



Александр Восьмой

Книга 1. «Клинки звёздной бездны»

18+

Александр Восьмой

**Книга 1. «Клинки
звёздной бездны»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 1. «Клинки звёздной бездны» / А. Восьмой — «Автор», 2026

В глухой окраине космоса юный пилот впервые сталкивается с пиратским флотом: абордажные клинки поют в вакууме, а первый бой решает, станет ли он добычей или охотником. Здесь рождается кодекс пиратов — жестокий, но не лишённый чести. Атмосфера — холод пустоты и жар первой схватки. Высокая конверсия за счёт резкого старта и контраста между наивностью героя и беспощадностью космоса.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Книга 1. «Клинки звёздной бездны»

Глава 1. Звезда, которая не светит

Тень «Серой Чайки» скользила по кромке мёртвой звезды — чёрного сердца, что не излучало света, но тянуло к себе, будто голод имело. Корвус сжал штурвал до побелевших костяшек: приборы трещали, словно шептали предупреждение. Три месяца криосна стёрли ощущение опасности, и теперь пустота казалась не безмолвием, а затаённым дыханием.

На экране вспыхнул сигнал — не карта, не маяк, а чужой контур: длинный, рваный, похожий на обломок кости. Пиратский рейдер. За ним — ещё один. И ещё.

— Не может быть... — прошептал Корвус, но космос не слушал.

Из темноты вырвались абордажные крюки, впиваясь в обшивку, как когти. Металл застыл. В коридоре замигали аварийные огни, окрашивая всё в багровый — цвет тревоги и крови. Дверь шлюза дрогнула, и сквозь треск связи прорвался голос, тяжёлый, как броня:

— Открывай, мальчишка. Или мы вскроем тебя вместе с кораблём.

Корвус рванул рычаг ручного запираания, чувствуя, как холод вакуума уже лижет края стыка. Где-то рядом, в нише у панели, лежал старый импульсный клинок — единственное, что осталось от отца. Холодное лезвие легло в ладонь, и в этот миг наивность растаяла, как иней на стекле.

Первый удар пришёлся по переборке — звонкий, звериный. Второй — по двери. Третий должен был войти в плоть.

Корвус шагнул в полумрак, сжимая клинок. Пустота больше не была безмолвной. Она пела на языке стали и огня. И сегодня она выбирала: добыча или охотник.

Глава 2. Абордажный клинок

Стук магнитных захватов отдался в корпусе «Серой Чайки» глухим, звериным ритмом — будто космос выстукивал приговор. Пять силуэтов вынырнули из тьмы, чёрные, как провалы между звёздами, с нашивками разорванной компасной розы. Пираты не тратили слов. Их язык — сталь, их приветствие — удар.

Первый клинок пробил переборку, высекая искры, похожие на испуганных светлячков. Второй скользнул по шлюзу, царапая металл, будто пробуя на вкус. Корвус прижался к стене, чувствуя, как холод вакуума пробирается сквозь стыки, как дрожь бежит по пальцам. В руке — импульсный клинок, отцовское наследство, единственное, что стояло между ним и пустотой.

Дверь распахнулась с воем, и в проёме возник пират — высокий, с лицом, изрезанным шрамами, словно картой забытых маршрутов. Его клинок мерцал тусклым светом, отражая багровые всполохи аварийных огней.

— Один на борту? — прорычал он, не глядя на Корвуса, будто оценивая корабль, а не человека.

Корвус не ответил. Слова здесь были лишними. Вместо этого он шагнул вперёд, и клинок в его руке вспыхнул резким голубым светом — не от электричества, а от напряжения, от страха, от ярости, что наконец прорвалась наружу.

Пират усмехнулся — коротко, без тепла, как щёлкает затвор. И бросился вперёд.

Сталь встретила сталь с визгом, от которого зазвенело в ушах. Первый удар Корвуса ушёл вскользь, второй — чуть не сорвал руку. Но третий нашёл цель: клинок чиркнул по наплечнику пирата, высекая сноп искр. В этот миг Корвус понял: сталь действительно поёт в вакууме. И её песня — не про смерть. Она про выбор.

В проёме мелькнули ещё фигуры, но Корвус уже не видел лиц. Он видел только линии ударов, тени, скользящие по стенам, и мерцание собственного клинка — как маяк в крошечной тьме. Где-то в глубине корабля завывала сирена, но её голос тонул в грохоте схватки.

Когда пират пошатнулся, Корвус не стал ждать. Он рванулся вперёд, в узкий проход, оставляя за спиной звон клинков и тяжёлый запах озона. «Серая Чайка» стонала, но пока держалась. А он — пока был охотником, а не добычей.

Пустота смотрела на него тысячами холодных глаз, и в её молчании звучал новый закон: здесь выживает тот, кто не боится петь вместе со сталью.

Глава 3. Кровь на переборке

Три минуты. Не срок, не мгновение — рубеж. Линия, проведённая сталью и страхом.

Корвус не помнил, как сорвал панель с креплений — только как она легла в ладонь тяжёлым, грубым щитом. Пират наступал, клинок его чертил в полумраке огненные дуги, а Корвус пятился, пока спина не упёрлась в холодную переборку. Тогда он ударил — не грациозно, не по кодексу, а как зверь, загнанный в угол. Панель врезалась в плечо пирата, сбивая шаг, ломая ритм. Второй удар пришёлся в висок — жёстко, глухо, окончательно.

Пират осел, будто из него вынули стержень, и рухнул у ног Корвуса. В невесомости кровь не текла — она рвалась из раны идеальными алыми сферами, похожими на проклятые жемчужины. Они висели в воздухе, мерцали в свете аварийных ламп, медленно дрейфовали, словно не верили, что жизнь кончилась. Одна капля коснулась щеки Корвуса — холодная, липкая, чужая. Он стёр её, но ощущение осталось: будто сама пустота теперь пахла железом.

В проёме мелькнула тень — ещё один пират. Но прежде чем клинок сверкнул, Корвус рванул рычаг аварийного шлюзования. Переборка захлопнулась с рёвом, отрезая коридор, отрезая ужас, отрезая миг, когда он перестал быть просто пилотом.

Тишина ударила сильнее любого крика. «Серая Чайка» вздрагивала от попаданий, но держалась. Корвус прислонился к стене, чувствуя, как дрожь ползёт по рукам, как реальность наваливается тяжёлым, неудобным знанием: он убил. Не в симуляции, не в сказке, а здесь, в ледяной темноте, где сталь не врёт, а тишина не щадит.

Где-то в глубине корабля щёлкнули реле, и голос системы проскрипел сквозь помехи: «Критическое падение давления. Герметизация отсеков». Корвус оттолкнулся от стены, завис на миг в невесомости — и вдруг увидел эти алые сферы снова: они кружились вокруг него, как злые звёзды, напоминая, что космос не забывает ни капли пролитой крови.

Он сжал кулаки, прогоняя дрожь. Страх — как топливо: если не сжечь его сейчас, он сожжёт тебя сам.

— Я не добыча, — прошептал Корвус, и собственный голос прозвучал в тишине неожиданно твёрдо. — Я охотник.

Пустота не ответила. Но где-то снаружи, в чёрной бездне, снова вспыхнули огни чужих кораблей — острые, хищные, нетерпеливые. Битва ещё не кончилась. Она только училась его имени.

Глава 4. Капитан по имени Штиль

Вакуум не прощает ошибок, а пираты — слабости. Когда переборки «Серой Чайки» перестали держать удар, а шлюз распахнулся, впуская не воздух, а чужие сапоги, Корвус уже не ждал пощады. Он ждал конца.

Но конец не пришёл. Вместо него пришла она — капитан с позывным «Штиль». Седые волосы, стянутые в тугой узел, лицо — как карта штормов: каждая линия прочерчена ветром и кровью. Она стояла в проёме, не заслоняя собой тьму, а будто становясь её частью. За её спиной молчали пираты — не из уважения, а из привычки слушаться того, кто дольше всех смотрел в пустоту.

— Ты убил одного из моих, — голос Штиль не звенел, не гремел — он резал, как лазерный резак по тонкой броне. — И ты не сбежал. Значит, либо глупец, либо боец. Мне нужны бойцы.

Корвус сжал кулаки, чувствуя, как под пальцами хрустит металл поручня. В глазах капитана не было ни гнева, ни жалости — только холодный расчёт, будто она взвешивала не его жизнь, а вес его клинка.

— Выбор простой, — продолжила Штиль, и в этом «просто» прозвучала вся жестокость их кодекса. — Либо ты летишь в шлюз — и космос забирает своё. Либо становишься юнгой на «Чёрном Кормщике». Будешь драить палубы, держать штурвал, когда старшие устанут, и учиться не умирать. Здесь не спасают из доброты. Здесь дают шанс доказать, что ты стоишь дороже вакуума.

Она шагнула ближе, и Корвус уловил запах озона и старой кожи — запах корабля, который видел слишком много битв.

— Почему? — вырвалось у него, прежде чем он успел прикусить язык. — Почему вы даёте мне шанс?

Штиль чуть склонила голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что за ними прячется.

— Потому что в бою ты не кричал. Не умолял. Ты дрался. А тот, кто не умоляет, может однажды пригодиться. Но запомни: здесь нет героев. Есть только те, кто держится на ногах, и те, кого сбрасывают в шлюз.

Тишина повисла между ними, тяжёлая, как броня. Где-то в глубине «Чайки» что-то щёлкнуло, зашипело — корабль сдавался, стонал, просил о помощи, которой не будет. Корвус посмотрел на свои руки — на царапины, на кровь, чужую и свою, на пальцы, всё ещё сжимающие рукоять клинка. Он больше не был просто пилотом. Он был тем, кто выжил. И теперь ему предстояло решить, хочет ли он остаться живым.

— Я иду с вами, — сказал он, и собственный голос прозвучал непривычно твёрдо, будто эти слова уже принадлежали другому человеку.

Штиль кивнула — коротко, без одобрения, без тепла. Просто отметила факт.

— Тогда за мной. И не отставай. В космосе отстающих не ждут.

Они шагнули в переходной шлюз, где воздух пах ржавчиной и неизбежным. За спиной «Серая Чайка» тихо угасала — как свеча на ветру. Впереди ждал «Чёрный Кормщик» — корабль, который не знал пощады, но умел учить. И Корвус, сам того не ведая, только что переступил порог новой жизни: там, где честь измеряется не словами, а клинком, а выживание — ценой, которую ты готов заплатить.

Глава 5. Кодекс пустоты

На «Чёрном Кормщике» не было лекционных залов — только центральный отсек, где металл гудел от напряжения, а воздух пах озоном и старым маслом. Здесь Штиль говорила так, будто каждое слово приходилось вырывать у космоса силой. Корвус стоял перед ней, выпрямившись, но внутри всё сжималось: он чувствовал себя ребёнком, которого заставили выучить язык богов — жестокий, беспощадный, но единственно верный в этой части Вселенной.

— Запомни, — голос Штиль звучал ровно, без пафоса, потому что пафосу здесь не верили. — Правила не для красоты. Каждое оплачено чьей-то жизнью. Нарушишь — заплатишь своей.

Она подняла палец, и в тусклом свете ламп он казался чёрным, как трещина в пустоте.

— Первое: не трогай маяки. Они — для всех. Кто глушит или ломает маяк, тот отрезает путь не только врагу, но и своим. А в космосе заблудиться — значит умереть медленно и глупо.

Корвус кивнул, и Штиль чуть прищурилась, будто проверяя, не кивает ли он просто из вежливости.

— Второе: не бросай раненого. Мёртвый спасе не прощает предательства. Если ты оставишь товарища, космос запомнит. И однажды он оставит тебя.

Слова падали, как камни в глубокую шахту — тяжело, без эха.

— Третье: доля — свята. Делим всё. Еда, вода, топливо, добыча. Кто прячет — теряет. И не только долю. Теряет право быть частью команды.

Штиль сделала паузу, и в этой тишине отчётливо прозвучал далёкий лязг переборки — будто сама пустота подтверждала её слова.

— Четвёртое: слово капитана — закон. Но слово команды — приговор. Я веду, но если команда скажет «нет», значит, так и будет. Здесь нет слепой верности. Есть ответственность. И если я поведу нас в пасть чудовищу без причины — меня остановят. И правильно сделают.

Корвус сглотнул. Это было не похоже на то, чему его учили раньше. Не слепое подчинение, не сухая инструкция — а хрупкий баланс, где каждый держал на плечах часть общего веса.

— И последнее, — Штиль шагнула ближе, и её взгляд стал острым, как кромка клинка. — В космосе нет судей. Есть только кодекс — и пустота, которая наблюдает. Она не прощает ошибок. Но тем, кто держит слово, иногда даёт шанс.

Корвус повторил про себя эти правила, как молитву, которую шепчут перед лицом бури. Они царапали изнутри, врезались в память, потому что теперь это были не просто слова — это была цена его выживания.

Где-то над головой загудел двигатель, и корабль вздрогнул, будто напоминая, что время на размышления вышло. Штиль кивнула, словно прочитав его мысли.

— Теперь ты знаешь, как здесь живут. Осталось научиться выживать.

И она повернулась, оставив Корвуса одного посреди гудящего металла, среди теней, которые тянулись к нему, как холодные пальцы пустоты. Он глубоко вдохнул — и впервые почувствовал не страх, а странное, горькое спокойствие: теперь у него был кодекс. А значит, был и путь. Даже если этот путь вёл сквозь тьму.

Глава 6. Первый рейд

«Чёрный Кормщик» шёл на сближение тихо, будто крался сквозь тьму, не желая тревожить пустоту лишним шумом. Транспортник с рудой висел в пространстве, как сонная рыба — тяжёлый, неповоротливый, уверенный в своей безопасности. Но космос не прощает самоуверенности.

Корвус стоял в шлюзе штурмовой группы, чувствуя, как вибрация корабля отдаётся в груди тяжёлым, ровным ритмом. Его броня была ему велика, запах металла и смазки казался чужим, но клинок в руке — своим. Рядом замерли трое: Клык, Тень и Руда. Они не говорили — в таких моментах слова только мешают.

— Пошли, — коротко бросила Штиль по связи, и тишина взорвалась лязгом люков.

Абордажные захваты впились в борт транспортника, как когти. Переборка поддалась с воём, и штурмовая группа ворвалась внутрь, рассыпаясь по отсеку, как осколки стекла. Всё шло по плану: контроль шлюза, блокировка коридоров, захват мостика. Руда уже тянулась к панели управления, Клык прикрывал, Тень сканировала пространство. Корвус держался чуть позади, стараясь не мешать, но быть готовым.

И тогда тишина треснула.

Из грузового отсека хлынули наёмники — в плотной броне, с импульсными дубинками и короткими клинками, рассчитанными для боя в тесных отсеках. Они ударили не из засады — они были частью груза, спрятанными в контейнерах, замаскированными под руду. План был прост: дожидаться абордажа и вырезать пиратов изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.